

DOI: 10.22250/2072-8662.2017.3.49-56

Белоруссова С.Ю.

Православная идентичность нагайбаков

Исследование поддержано грантом РФФИ, научный проект № 16-31-01078

Аннотация. Нагайбаки – южноуральский народ, сложившийся менее 300 лет назад на перекрестке пограничных линий и торговых путей, кочевых и оседлых культур, христианства и ислама. Нагайбаки впитали различные этнические и религиозные традиции: с одной стороны, элементы христианской, мусульманской и языческой религий, с другой – русской, татарской, марийской, чувашской и других этнических культур. При исходной полиэтничности они сложились в относительно монолитное сообщество благодаря социальной (казачьей), языковой (тюркской) и религиозной (православной) самобытности и обособленности от соседних групп. У нагайбаков обозначилось собственное понимание себя и своей веры вследствие деятельности православных проповедников в 1870-е – 1910-е гг. Атеистическая пропаганда советского времени также трансформировала их религиозную идентичность. Сегодня нагайбаки считают себя православными по существу: для них самоощущение приверженности православию важнее, чем исполнение церковных обрядов (включая крещение). Кроме того, похоронно-поминальные ритуалы нагайбаков, связанные с почитанием предков и сопровождающиеся закланием животного, оказались вписаны в их православную систему (что вызывает критику местных священников). С недавних пор нагайбаки активно участвуют в новых религиозных проектах – восстановлении и строительстве православных церквей в своих селениях. Во многом это инициативы конкретных групп или отдельных жителей. Так, в пос. Остроленском существует конкуренция по строительству двух храмов между поселковой общиной и местным жителем Сергеем Дюскиным, который реализует проект строительства церкви на заднем дворе своего дома. Таким образом, православная идентичность нагайбаков сформировалась благодаря ситуативным обстоятельствам и персональным усилиям в этнокультурной динамике.

Ключевые слова: нагайбаки, православие, идентичность, этничность, поминальные обряды, крещение, церковь

Svetlana Yu. Belorussova

Orthodox Identity of the Nagaibaks

The research is supported by a grant of the RFFR, project № 16-31-01078

Abstract. The Nagaibaks are Southern Ural people formed less than 300 years ago at the crossroads of borders and trade routes, nomadic and sedentary cultures, Christianity and Islam. The Nagaibaks have absorbed various ethnic and religious traditions: on the one hand, elements of Christian, Muslim, and pagan religions, on the other – features of Russian, Tatar, Mari, Chuvash, and other ethnic cultures. Having the initial multiethnicity, they have formed a relatively monolithic community due to social (Cossack), religious (Orthodox), and linguistic (Turkic) identity and isolation from neighboring groups. The Nagaibaks had their own understanding of themselves and their faith due to the activities of Orthodox preachers in the 1870s – 1910s. Soviet atheistic propaganda has also transformed their religious identity. Today the Nagaibaks consider themselves Orthodox: for them, the sense of adherence to Orthodoxy is more important than the observation of church rituals (including baptism). In addition, Nagaibak funeral and memorial rituals connected with veneration of their ancestors and accompanied by animal sacrifices have become inscribed in their Orthodox culture (which causes criticism of local priests). Recently the Nagaibaks actively participate in new religious projects – restoration and construction of Orthodox objects in their villages. In many ways, this is a personal initiative of specific groups or individuals. So, in the Ostrolensky village there is a competition for the construction of two churches between the village community and a local resident Sergei Dyuskin who is implementing a project to build a church in the backyard of his house. Thus, Orthodox identity of the Nagaibaks has been formed due to situational circumstances and personal efforts in ethno-cultural dynamics.

Key words: new Indian guru, Osho, mysticism, Sufism, godliness, enlightenment, self-observation, consciousness

Белоруссова Светлана Юрьевна – научный сотрудник сектора этноистории Института истории и археологии УрО РАН; 620000, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; svetlana-90@yandex.ru

Svetlana Yu. Belorussova – research fellow of the Department of Ethnohistory, Institute of History and Archeology (Ural Branch of SB RAS); 16 Sofia Kovalevskaya str., Ekaterinburg, Russia, 620137; svetlana-90@yandex.ru

Нагайбаки – южноуральский народ, сложившийся менее 300 лет назад на перекрёстке пограничных линий и торговых путей, кочевых и оседлых культур, христианства и ислама. Сегодня большая часть нагайбаков проживает в Нагайбакском районе Челябинской области в с. Париж, Фершампенуаз, пос. Остроленский, Касельский (центральная группа), а также в Чебаркульском и Уйском районе Челябинской области в с. Варламово, д. Попово, Ключевка 2-я, Болотово, Краснокаменка (северная группа).

Этноистория

Нагайбакская крепость во второй половине XVIII в. сыграла роль сборного пункта и крещения инородцев (татар, ногаев, башкир, черемисов) и чужеземцев (беглых пленников – арабов, турок, персов), принимавшихся на поселение или казачью службу на степной границе Российской империи. Нагайбаки впитали различные этнические и религиозные традиции: с одной стороны, элементы христианской, мусульманской и языческой религий, с другой – русской, татарской, марийской, чувашской и других этнических культур. При исходной полиэтничности они сложились в относительно монолитное сообщество благодаря социальной (казачьей), религиозной (православной) и языковой (тюркской) самобытности и обособленности от соседних групп. Такое сообщество

Илл. 1. Современное расселение нагайбаков. Авторы И.В. Абрамов, С.Ю. Белоруссова.

могло сложиться только на пограничье с его особым напряжением и разнообразием [Головнёв, 2015].

Радикальный сдвиг этничности у нагайбаков произошёл век спустя, в 1842–1843 гг., после принятия руководством Оренбургской губернии решения о переселении казаков Нагайбакской крепости на Новую линию для обороны границ от кочевников киргиз-кайсаков. Казаки-переселенцы отнеслись к этой идее без энтузиазма: для них она означала потерю связи с освоенной землей (родиной) и оставшимися на прежнем месте родственниками. В песнях, пословицах и сказаниях нагайбаков эта «служебная миграция» сохранила налёт трагизма. Общие трудности и переживания обустройства на чужбине дополнительно сплотили переселенцев, получивших особое название по месту их прежней дислокации (Нагайбакской крепости) – нагайбаки. Правда, переселение разделило их на три группы – южную (оренбургскую), северную (чебаркульскую) и центральную (собственно нагайбакскую), не считая четвёртой, остаточной сохранившейся в Бакалинском уезде Башкирии.

С 1870-х до 1910-х гг. этничность нагайбаков подогревалась соперничеством за их умы и души между православными и мусульманскими миссионерами [Исхаков, 2015, 72–73]. Те и другие убеждали нагайбаков в их особенности: православные просветители настаивали на их отличии от татар-мусульман (родственных по языку), а мусульманские – на их отличии от русских казаков (родственных по религии). В результате эти внешние воздействия по-разному сказались на облике трёх групп нагайбаков: южная сменила не только религиозное самосознание, но и этническую

идентичность – сегодня потомки оренбургских и орских нагайбаков считают себя татарами-мусульманами; центральная и северная группы сохранили конфессиональную приверженность православию (за исключением отдельных селений, например Требии) [Белоруссова, 2016б]. К началу XX в. у нагайбаков центральной группы оформилось осознание как отдельной общностью со своими традициями, ритуалами, религией, фольклором, легендами о происхождении, историями о ратных казачьих подвигах.

С 1930-х гг. у нагайбаков произошёл очередной крутой поворот в этничности: после переписи 1939 г. их перестали считать отдельным народом и причислили к татарам. Репрессии советского времени были направлены против всех этнических оснований нагайбаков – православия (атеистическая пропаганда), казачьего статуса (политика расказачивания) и нагайбакского говора (в практике обучения и официального общения его заменили татарским языком). Кроме того, из реестра народов в переписях и документах (свидетельствах о рождении и паспортах) исключили позицию «нагайбак», в результате чего народ формально прекратил своё существование.

В советское время православное самосознание нагайбаков было подвержено репрессиям. В 1920-е гг. одни церкви разрушили, другие передали под помещения для разных нужд. По рассказу отца Любови Юскиной, в то время в Остроленском из церкви сделали зернохранилище, колокол и купол снесли, а иконы сложили в «стожку»:

Тогда образовали школу крестьянской молодёжи, где в том числе обучали стрельбе. Вместо мишеней, выставили иконы. А одну икону использовали как крышку на бочку с мёдом. Тогда отец работал сторожем зернохранилища, и однажды они семьёй подумали, что надо забрать ту последнюю уцелевшую икону. А как принести домой? Страшно. Как-то ночью он притащил, 70 лет у нас в чулане лежала [ПМА, Челябинская обл., Нагайбакский р-н, пос. Остроленский, август, 2012].

Нагайбаки рассказывают о запрещении в советское время проведения православных праздников. По словам Александра Тептеева, тогда «запрещали собирать яйца на Пасху (обычай у православных. – С.Б.), и угрожали, только попробуйте их собирать!». По словам жительницы Попово, за то, что они «собирали яйца или деньги по домам на Пасху – снимали пионерские галстуки» [ПМА, Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, август, 2012; Чебаркульский р-н, д. Попово, июнь, 2014].

Однако православная культура, которая стала определяющим фактором в становлении этничности нагайбаков, продолжала жить внутри родства и в советское время. Те, кто испытал на себе влияние миссионерской школы и церкви, хранили православие как святыню. Одна из старейших жительниц Кассельского Акулина Тихонова рассказала, что ходила крестить свою дочь пешком до Верхнеуральска (расстояние между посёлками 25 километров). В ней до сих пор живёт ощущение, что исключительностью нагайбака является его христианская вера: «Нагайбак – только православный, а остальные – по степям бегают» [ПМА, Нагайбакский р-н, пос. Кассельский, ноябрь, 2015].

Жители северной и центральной групп считают, что нагайбаку не обязательно исполнять все православные ритуалы, гораздо важнее самоощущение приверженности православию. Некоторые не настаивают даже на обряде крещения. Вопрос, может ли нагайбак придерживаться другой, не православной веры, вызывал недоумение со стороны жителей. Парижанка Татьяна ответила: «Я даже не могу себе этого представить»; Надежда Фирсова из Фершампенуаза сказала: «А как, если мы православные?»; Григорий Ишменев (Фершампенуаз) ограничился репликой: «Не было таких случаев» [ПМА, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Париж, август, 2012]. Согласно опросу, среди нагайбаков много тех, кто не крещён или никогда не был в церкви, однако все считают себя православными. В их понимании соблюдение церковных обрядов и приверженность православной вере – не одно и то же.

Турбулентность религиозной идентичности

У нагайбаков сформировалось собственное понимание православной веры с включением элементов дохристианской культуры. В разное время православные

священники пытались избавить нагайбаков от их «языческих обрядов». В миссионерском отчёте от 1892 г. ученица Толмачева из Требии описала священнику Батраеву обряд «вызывания дождя», который был проведён во время засухливого лета у нагайбаков. По рассказу ученицы, действо сопровождалось «жертвоприношением» трёх куриц, приготовлением из них блюд и последующей трапезой с участием всех жителей деревни. После рассказа священник спросил ученицу: «Ну, а ты сама как смотришь на это? Хорошо ли это?». На что ученица ответила: «Я посмотрела только, на трапезе не присутствовала и ушла с подружкой от этих безобразий домой. Всё время дорогою мы с нею смеялись над всем увиденным» [Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета... за 1892 год, 1893, 182–183].

В другом случае проповедник Василий Тимофеев, путешествуя по сёлам северной группы нагайбаков, в беседе с семьей Чумакова из посёлка Варламово спросил у хозяйки дома:

«Вы, женщины, знаете ли молитвы и как молитесь?» – «Мы не знаем молитв, карыклар жоласын тотабыз шунда, т.е. исполняем обычаи старух». Под обычаями старух понимаются разные жертвоприношения языческие. (Я им сказал, что те, кто постиг Бога – С.Б.), ходят в церковь, ставят свечи и молятся. Я говорил им, что та только жертва приятна Богу» [Тимофеев, 1890, 161].

Сегодня отношение священников к дохристианским обрядам нагайбаков не изменилось – проповедники продолжают «бороться» с их «языческим» наследием. Настоятели храма Покрова Пресвятой Богородицы Фершампенуаза отец Евфимий и отец Андрей осуждают поминальные практики нагайбаков, в которых необходимо «пустить кровь» животного (коровы, овцы, курицы, гуся) в честь духов предков. Священники считают эти обряды языческими, не имеющими отношения к православию, и грозят отлучить от православного обряда причащения тех, кто его выполняет: «Постоянно с ними боремся, – сетует отец Андрей, – те, кто ходит в храм, всё равно эти обряды выполняет. Многие скорее перестанут причащаться, чем от этого откажутся». Наиболее сильное порицание вызывает соблюдение обряда *Аш бирэу*, который сопровождается закланием коровы. Однако нагайбаки не желают отказываться от поминальных обрядов, которые для многих, по их признанию, важнее, чем православные практики, поэтому относятся к осуждениям стоически: «Батюшка ругается по-страшному, но если столько времени делали, то и дальше будут делать». Нагайбачка из Попово призналась, что «молитву может и не прочитать, а *Аш бирэу* будет делать». Некоторые жители осуждают запреты: «Какой-то у нас неправильный батюшка, зачем запрещает?». Остроленец Олег Исупов считает, что обряды – «это жизненный опыт целого народа... и православной церкви нужно быть более сдержанной».

Православным деятелям так и не удалось искоренить дохристианские обряды нагайбаков ни век назад, ни сегодня. Жителям эти поминальные практики не кажутся противоречащими православию, напротив, нагайбаки вписали их в свою христианскую систему. К примеру, во время обряда *Аш бирэу* хозяйка дома сопровождает заклание жертвенной коровы православной риторикой:

Учтымак ашлары булсын	Пусть на небесах кушанье будет
Тамаклары тукланып ятсын	Пусть они сытые лежат спокойно там
Кунеллэре кушланып ятсын	Пусть душа у них радуется
Караңгы гурлеры якты булсын	Там в гробу, в темноте пусть светлое у них будет
Тынауларына ислэре керсен	Нос пусть чувствует запах
Авызлары тэмнэре керсен	В рот пусть всё вкусное попадает
Барасыза аштамак керсен	Пусть все наверху будут сытыми
Барысының да жомак ашлары булсын	Пусть еда будет у них
Ашлы суйлы булсын	
Без шуңа атап итэбэз	Поэтому мы корову (тёлку) закололи

Ходай ризыклы итсен	Пусть нам боженька поможет
Уранга итыб салабыз да	Закололи мясо – сейчас унесём варить
Утрып аш ашыйбыз	Когда сварится, поедим и всех помянем [ПМА, д. Попово, 9 мая 2015]

Во время закола животного хозяйка держит в руках икону, и православные образы сопровождают весь обряд *Аш бирэу*, в том числе трапезу [Белоруссова, 2016а, 18]. Верующие нагайбаки не видят в сочетании православных обрядов и традиционных культов противоречия. На возможность «искоренить язычество» в своей культуре жительница Кассельского Анна Артемьева отреагировала так: «Не надо ничего убирать. Одно уберёшь – и народ уберёшь» [ПМА, пос. Кассельский, август, 2012].

Илл. 2. Молитва на *Аш бирэу*, 2015.
Фото Е.А. Михалёвой.

Илл. 3. Обряд вызывания дождя,
2016. Фото Е.А. Михалёвой.

Согласно опросу, среди нагайбаков северной группы есть немало тех, кто не крещён или никогда не был в церкви, однако они считают себя «православными, но не религиозными». Некоторые, в том числе пожилые люди, выросшие при советской власти, признаются, что «не верят в бога» и называют себя атеистами. Жительница Попово рассказала: «Я не верю, креститься не могу. Вот телевизор посмотрю, там иконы, и это спасает» [ПМА, д. Попово, август, 2015].

Нагайбаки спрашивают совета у батюшки, как совершать те или иные православные обряды дома (в основном это касается поминовений и похорон). Однако мнения настоятелей имеют скорее консультативный характер, поскольку традиция и советы старейшин являются первостепенными в обычаях нагайбаков. Жительница Остроленского посёлка рассказала, что однажды спросила в церкви, как правильно проводить поминки на 40-й день после смерти. Согласно нагайбакской традиции, их делают не на 40-й, а на 39-й день, на что в церкви ей возразили, что «правильно» проводить поминки именно на 40-й день, поскольку только тогда душа улетает на тот свет. Посоветовавшись, родные умершего решили не отступать от традиции, а сделать, как было «испокон веков», и провели поминки на 39-й день.

По этому поводу у церкви и у нагайбаков иногда случаются недопонимания: в церкви подобные ритуальные действия называют «язычеством», а для нагайбаков они являются традицией предков. Тем не менее многие нагайбаки относятся с особым почтением к православным праздникам и обычаям. Согласно анкетированию, большинство нагайбаков считает главным празднеством в году Пасху (44,2 %), вторым по значимости – Новый год (32,5 %), третьим – Рождество (27,3 %), затем Покров (15,6 %) и Троицу (10,4 %). Примечательно, что соседнее русское население Южного Урала ниже оценивает значимость православных праздников: согласно опросу, для них главным является светский Новый год (45,6 %) [ПМА, Нагайбакский район, август, 2012].

Сегодня в Фершампенуазе действует храм, названный в честь Покрова Пресвятой Богородицы; он основан в 2005 г., хотя попытки его возведения начались был Николай Ишмекеев, уроженец Парижа. В мае 2016 г. для строительства церкви

еще в 1993 г. Храм почитается нагайбаками, однако его возведение было осложнено экономическими трудностями 1990-х гг. Учитывая задолженности по заработной плате, а также беспорядки в управлении совхозами, некоторые считали строительство храма неуместным. На одном из общественных сходов в 1996 г. нагайбаки говорили главе района К. Х. Сеилову: «А зачем нам эта церковь?», «На труды копеек нет, а тут церковь!», «Пусть сперва зарплату дадут!» [Морозов, 1996].

Храм в Фершампенуазе был возведён только после преодоления кризиса 1990-х гг. Сегодня служба в нём проходит по воскресеньям на русском языке; на обычную неспрадную службу приходят 60–100 человек. Её посещают не только местные жители, но и приезжие из Остроленского, Парижа, Южного, Северного, Нагайбака. Во время богослужения читается молитва «Отче наш» сперва на русском, затем на нагайбакском языке. Если русскую молитву повторяют почти все прихожане, то на языке нагайбаков её произносят 10–12 человек. Отец Андрей отметил, что нагайбаки посещают церковную службу так же регулярно, как и русские. С первых дней работы в Фершампенуазе его приятно удивило бережное отношение местного населения к своему храму: так, перед входом в церковь многие прихожане снимают обувь (эта деталь совпадает с мусульманской традицией).

Другие нагайбакские посёлки центральной группы имеют собственные модельные комнаты, в которых не реже одного раза в неделю совершается богослужение. Очевидцы отмечают невысокое количество прихожан – 10–15 человек; зато нагайбаки удовлетворены возможностью молиться в собственной поселковой церкви.

Современные проекты

Сегодня нагайбаки открыты проектам создания собственных храмов, действуя в основном через персональные инициативы. С точки зрения антропологии подобные сюжеты интересны для обозначения крупного плана – персонажа (или группы) со своими пристрастиями и мотивами, настроениями и притязаниями [Головнёв, 2010]. С 2011 г. в Париже началось возведение собственной церкви: на её месте в 2012 г. был освящён и заложен крест. Спонсором и инициатором её создания в Париже появился новый спонсор – Елена Васильева, коренная парижанка, в настоящее время живущая в Магнитогорске. Уже 20 августа 2017 г. состоялось торжественное открытие парижской церкви.

Более ста лет назад миссионеры ставили в пример жителей Остроленского посёлка, которые были первыми из нагайбаков, кто построил церковь в своём посёлке: «Постройка остроленцами на свои средства великолепной собственной церкви служила несомненным благотворным примером для всего нагайбачества» [С.А., 1912, 651–652]. В 1920-е гг. церковь была разрушена, однако жители (в основном пожилые женщины) продолжали втайне собираться и читать молитвы в своих домах. Десятилетия спустя, после открытия музея в Остроленском в 1995 г., нагайбаки стали проводить службы в музее. Причём, по сообщению Николая Васильева, приход остроленцев был настолько самобытным и самостоятельным, что приглашение туда православного батюшки даже осложнило обстановку – некоторые старожилы перестали посещать богослужение. Между тем, при участии отца Евфимия, в музее проводились полноценные православные обряды, включая крещение.

После пожара в музее в начале 2012 г. у остроленских нагайбаков возникла идея повторить духовный подвиг своих предков и возвести церковь в селе на собственные средства. Символично, что храм решили построить на месте сгоревшего музея. В октябре–ноябре 2015 г. жители самостоятельно залили фундамент, а 6 декабря 2015 г. епископ Магнитогорский и Верхнеуральский Иннокентий совершил чин закладки в основание церкви в честь иконы Божией Матери «Скорослушницы». Сегодня остроленцы продолжают собирать средства и строить церковь, рассматривая её не только как священную обитель, но и как средоточие своей самобытности. Одна из активисток в деле возведения церкви нагайбачка Ирина Байкина сказала: «Мы надеемся, что построим церковь, и это будет *наша* церковь!». Остроленцы стараются построить церковь повыше, чтобы «при въезде в посёлок все её видели» [ПМА, пос. Остроленский, октябрь, 2015].

В Остроленском дело не ограничивается одной церковью. Нагайбак Сергей Дюскин самостоятельно возводит ещё один храм на заднем дворе собственного

дома. Он подошёл к работе деловито и энергично: сегодня церковь уже достроена и в ней осталось провести только отделочные работы. Местные жители с долей скепсиса относятся к его идее и не желают признавать этот проект. Его затея расценивается как нарушение порядка общинности, важного в жизни Остроленского посёлка. Вместе с тем конкуренция «за Бога», возникшая из-за инициативы Дюскина, дополненная его успехами в опережающем строительстве, раззадоривает и мотивирует местных жителей на возведение общинной церкви.

Между тем, южная группа нагайбаков, которая сегодня идентифицирует себя с исламом активно занимается восстановлением мечети, построенной в 1907 г. Инициатива исходит также от современных лидеров группы [Хабибуллина, 2015, 20–43].

Миссионерская деятельность православных и мусульманских проповедников оказалась ключевой в самоопределении разных групп нагайбаков. Атеистическая пропаганда советского времени также трансформировала их религиозную идентичность. При конструировании религиозного самосознания у нагайбаков сложилось особенное понимание себя и своей веры. Сегодня нагайбаки считают себя православными по существу: для них самоощущение приверженности православию важнее, чем исполнение церковных обрядов (включая крещение). Кроме того, похоронно-поминальные ритуалы нагайбаков, связанные с почитанием предков и сопровождающиеся закланием животного, оказались вписаны в их православную культуру (что вызывает критику местных священников).

С недавних пор нагайбаки активно участвуют в новых религиозных проектах – восстановлении и строительстве православных объектов в своих селениях. Во многом это персональные инициативы конкретных групп или отдельных жителей. Таким образом, православная идентичность нагайбаков сформировалась благодаря ситуативным обстоятельствам и персональным усилиям в этнокультурной динамике.

Список сокращений:

ОЕВ — Оренбургские епархиальные ведомости;
ПМА — Полевые материалы автора

Библиографический список

1. Белоруссова, С.Ю. «Здесь открывается душа нагайбака»: поминальный обряд Аш биру / С.Ю. Белоруссова // Живая старина. – 2016. – № 1 (89). – С. 16–20.
2. Белоруссова, С.Ю. Нагайбаки на перекрестке православных и мусульманских миссий / С.Ю. Белоруссова // Религиоведение. – 2016. – № 3. – С. 43–53.
3. Головнёв, А.В. Крупный план в антропологии / А.В. Головнёв // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 4 (29). – С. 14–20.
4. Головнёв, А.В. Феномен колонизации / А.В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН, 2015. – 592 с.
5. Исхаков, Р.Р. Православные религиозные институты кряшен (крещеных татар) Волго-Уральского региона во второй половине XIX – начале XX в. / Р.Р. Исхаков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-3 (61). – С. 71–74.
6. Морозов, А. «Рождество в Париже» (видеофильм), Екатеринбург, 1996. 29 мин.
7. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1892 год // ОЕВ. – 1893. – № 14 (офф.). – С. 174–189.
8. ПМА, Челябинская обл., Нагайбакский район, с. Париж, Фершампенуаз, пос. Кассельский, Остроленский, 2012, 2015.
9. ПМА, Челябинская обл., Чебаркульский район, д. Попово, 2014, 2015.
10. С.А. Из быта нагайбак / С.А. // ОЕВ. – 1912. – № 32–33. – С. 649–653.
11. Тимофеев, В.Т. Миссионерское путешествие по инородческим приходам Оренбургской епархии / В.Т. Тимофеев // ОЕВ. – 1890. – № 5. Первая часть. – С. 160–167.
12. Хабибуллина, З.Р. Мусульманское духовенство в республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков / З.Р. Хабибуллина. – Уфа: «Мир печати», 2015. – 220 с.

References

1. Belorussova S.Ju. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. Moscow: Tsentr kulturnykh strategii i proektnogo upravleniia, 2016, no. 1 (89), pp. 16–20 (in Russian).
2. Belorussova S.Ju. *Religiovedenie* [Study of Religions]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2016, no. 3, pp. 43–53 (in Russian).
3. Golovnev A.V. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2010, no. 4 (29), pp. 14–20 (in Russian).
4. Golovnev A.V. *Fenomen kolonizatsii* [Phenomenon of Colonization]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015, 592 p. (in Russian).
5. Ishakov R.R. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. Tambov: "Gramota", 2015, no. 11-3 (61), pp. 71–74 (in Russian).
6. Morozov A. *Rozhdestvo v Parizhe* [Christmas in Paris]. Ekaterinburg, 1996, 29 min (in Russian).
7. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg: Tipografiya B. Breslina, 1893, no. 14 (ofic.), pp. 174–189 (in Russian).
10. S.A. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg: Tipografiya B. Breslina, 1912, no. 32–33, pp. 649–653 (in Russian).
11. Timofeev V.T. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg: Tipografiya B. Breslina, 1890, no. 5, pp. 160–167 (in Russian).
12. Habibullina Z.R. *Musul'manskoe duhovenstvo v respublike Bashkortostan na rubezhe XX–XXI vekov* [The Muslim Clergy in the Republic of Bashkortostan at the Turn of the 20th Century]. Ufa: "Mir pechati", 2015, 220 p. (in Russian).